Я надеюсь

Бывший друг — так частенько случается — враг.
И не кончилась глупая свара меж наций.
Говоришь: Карабах, — а в ответ: Карадаг.
И не веришь потоку рулад и реляций.

Излечи́м ли сознанья людского недуг?
Избежим ли беды? Или песенка спета?
Бывший враг — так частенько случается — друг.
Я молюсь и всё время надеюсь на это.

Главное

Я живу и знаю: есть подмога,
Есть подмога каждому из нас.
Ибо монополия на Бога
На земле отсутствует сейчас.
Банда захватила наши недра,
Банда захватила нефть и газ.
Лишь Господь заботливо и щедро
Помогает каждому из нас.
Банда нас терзает пропагандой,
Банда хочет нас перемолоть.
Я живу и знаю: с этой бандой
Разберётся в нужный час Господь.
А потом придёт другая банда —
Так уже бывало, и не раз.
Будет на обед тогда баланда.
И заплачет омрачённый Спас.

На кудыкину гору

Я живу, я куда-то иду,
Вижу небо и разные страны.
И жую эту yandex-еду,
И кручу эти dating-романы.
А плечистые страны ОПЕК
Делят рынок, как волки добычу.
Я иду, небольшой человек, —
Я под нос тихо песню мурлычу.
Я куда-то иду, я живу,
Я пишу, как любой неврастеник.
И стихи посылаю в «Неву»,
«День и ночь» или «Наш современник»…
Я иду, обогнув магистраль,
Удивляясь земному простору.
Я иду в неизвестную даль,
Я иду на кудыкину гору.

● ● ●

Покуда сердце — тук-тук-тук,
Покуда времечко — тик-так,
Скучать и хныкать недосуг,
А неприятности — пустяк.
Пускай не всё ещё — тип-топ,
Пускай я строю жизнь — тяп-ляп,
Пускай не счесть тревог-хвороб,
Я всё же духом не ослаб.
И даже если я ку-ку,
Я знаю: жизни не каюк,
Покуда ноги волоку,
Покуда сердце — тук-тук-тук.

Сны

Эти сны и просты, и невинны.
Снится — море, и вёсла, и плот,
И на скрипках играют дельфины,
И поёт о любви кашалот.

Снится — Волга, подросток-белуга
Пишет нежный трилистник в тетрадь.
…Снится — хмурые люди друг друга
Стали лучше чуть-чуть понимать.

Я был всегда солдатом

В лесу прифронтовом…
М. Исаковский

Прости — я был всегда солдатом
Любви, похожей на фантом;
И там, в райцентре франтоватом,
И там, в лесу прифронтовом.

Прости — я правнук Маты Хари,
Но я шпионил за собой
И там, в рождественской Сахаре,
И там, в манхэттенской хибаре,
И там, где шёл неравный бой.

Прости — не становясь капризней
Самой себя и не казня
Меня, я прожил много жизней.
Пойми, пожалуйста, меня!

Я иду по земле

А чего мне таить? Я счастливый болван.
Сам себе господин, я не выбился в боссы.
Если мне позвонит хитрый пранкер Вован,
Я отвечу на все—без утайки—вопросы.

Сколько всякой написано галиматьи
Обо мне (да и мной, стихоплётом)—до чёрта!
А чего мне таить? Вот ладони мои,
Вот лицо, вот мой дом возле Аэропорта.

Я иду по земле, и тихонько пою,
И сажаю не граждан, а сосны и розы.
А чего-то таить, жизнь шифруя свою,—
Нет такой для меня несерьёзной угрозы.

Артём

Мне часто снится Тёма Боровик,
Он был моим начальником в «Совсеке»,
Он был бесстрашен, совестлив, велик.
Я думаю об этом человеке.
Шёл перестроечный девятый вал,
Артёма эти волны захлестнули.
Он никогда, по-моему, не врал
И не боялся ни врагов, ни пули.
Он был надёжный друг, как брат—
На помощь был безудержным и скорым;
Устраивал меня во «Взгляд»—
Работать, по контракту, репортёром.
Сейчас я знаю: жизнь—как вспышка, миг,
Путь не кончается дорогою земною.
Мне часто снится Тёма Боровик.
А значит, он по-прежнему со мною.

Зимний Несебр

Жизнь бежит, полосатая зебра,
Огибая поля и моря.
Я иду вдоль родного Несебра,
На декабрьские волны смотря.

Здесь зима—не зима, просто слякоть,
Просто на сердце грустно чуть-чуть.
И не хочется много балакать
О годах, что уже не вернуть.

Как-то горестно заверещали
Чайки, белая чаячья рать.
Это время писать завещанье,
А стихи—в чёрной печке сжигать.

Это время прощать и прощаться,
Становясь хоть немного мудрей,
И нисколечко не обольщаться
Относительно жизни своей.

Клеть

Я годы несу, как чугунные гири,
И вижу, что мир—это, в принципе, клеть.
А Чёрное море всё глубже и шире,
А Белое море не прочь обмелеть.
Цветёт пышным цветом шафран ахинеи,
Цветку здравых мыслей так не расцвести.
А чёрная кость всё сильней и сильнее,
А белая кость на земле не в чести.
Ну ладно. А всё ж небеса благосклонны,
И звон колокольный я слышу окрест.
Ну ладно. Трындят на деревьях вороны,
А всё ж их прогонят с насиженных мест.

Знахарь

Жизнь—стометровочка, выдох-и-вдох,
Финиш ликующий редок.
Олух небесный и лузерный лох,
Что я скажу напоследок?
Вспомню кино, как по совести жил
Знахарь Антоний Косиба.
Что я скажу, старый славянофил?
Тихое слово «спасибо».

Между там и не-там

Всё бессмысленней, всё бесполезней
жизнь моя на промокшей земле.
Это время дождей и болезней,
это полое время после́—
дней опальной, нахальной надежды
между там и московским не-там.
На душе—ведь она без одежды—
отпечатались благость и хлам.
Смерть сурова—не будет дисконта.
Жизнь плетётся, как бабка, ворча.
В поликлинике старой Литфонда
Я сижу, ожидая врача.

Теперь

Кишащий офисный планктон
Ко мне относится по-братски.
Но я не буду поплавком—
Смешно ценить земные цацки.
Я был тогда и глуп, и мал,
Когда прочёл в библиотеке:
«Что взял—чужое; что отдал—
Тебе принадлежит навеки».
Теперь я знаю: это так.
Теперь осмыслены задачи.
Теперь я не такой бедняк,
Теперь я становлюсь богаче.

И будто я смотрю на этот мир впервые,
И будто позабыл психушку и барак,
И будто смерти нет, и будто нет России.
Лишь море и песок, Несебр и Слынчев бряг.

Тут — за волной волна, и гларусы, и чайки.
Там — за войной война, какой-то вечный бой.
…Но как же я хочу, замечу без утайки,
Из этой красоты — домой, домой, домой.

Другие планы

Позвонить больше некому, только жене,
Которая за кордоном и, собственно, не
Жена моя, а жена имярека другого.
Впрочем, я не печалюсь, даю слово.

Попросить больше некого, только Его,
Который на небе всевидящее Божество.
Но у него таковских, как я, навалом.
Впрочем, я не печалюсь, я стал бывалым.

Умотать больше некуда, только туда,
Откуда назад не желают идти поезда,
И суда не желают идти, и лететь еропланы.
Впрочем, я не печалюсь — другие планы.

Одинокий старик

Речь нарушается, рушится сон,
Тик отпускает непрочные вожжи.
Это покудова не Паркинсон.
Но, к сожаленью, довольно похоже.

Старость не радость, навряд ли соврёт
Точная, как приговор, поговорка.
Смотрит старик одинокий вперёд —
Нету в глазах стариковских восторга.

Ты и я

Не видно согласья меж нами,
Нам очень непросто вдвоём.
Как «Наш современник» и «Знамя»,
Мы вряд ли друг друга поймём.

Ты — нежная, хрупкая нимфа,
Я груб и суров, как Жеглов.
А всё-таки неотменима
Взаимная тяга полов.

А всё-таки соединила
Нас вряд ли случайно судьба.
Хоть я и красив, как горилла,
А ты лучезарна, слаба.

Ты стала моей половиной.
Я верую, как в коммунизм,
Что мы однозначно единый,
Как жизнь и как смерть, организм.

Эмигрант

(Из старой тетради)

Тараканов красных полчище
Наступает, входит в раж.
Бар внизу гудит грохочуще,
Наверху — араб-алкаш.
А на улице — фекалии,
Запах мощно в ноздри бьёт.
Возле площади Италии,
Может, ходит бегемот?
Грусть — моя однофамилица.
Думку думаю одну:
Бог ты мой, куда б намылиться?
Лишь осталось на Луну.

Один мой знакомый

Подранок века-костолома,
Я сам был в чём-то костолом.
И чувствовал себя как дома
В глухом дурдоме областном.

Когда я вышел на свободу,
Я был и опытен, и груб.
И мог двурушную сволóту
Распознавать по складкам губ.

И вот я много лет на воле,
И вот мне стукнуло полста.
…В столичной приторной юдоли
Не понимаю ни черта.

Диалог

Смерть сказала: «Застегни
Душу, как рубаху!»
Жизнь сказала: «За стихи
Можно и на плаху».

Смерть сказала: «Упекли
Вьюношу за дело».
Санитары-упыри
Мучили умело.

Жизнь сказала: «Не грусти,
Бог нашёл подмогу,
Сердце чуткое в груди
Живо, слава Богу!»

Сказочка

Это земли бандерлогов,
Травка и бамбук растут.
Это земли некрологов —
Тяжело мартышкам тут.
Будни бандерлогов горьки —
Слышится протяжный стон.
И лежит на тёплой горке
Сытый, радостный питон.

Между там и не там

Гибельно-глобальной фирмы винтики.
Бизнес под прикрытием политики.
Лозунги красивые, как фантики.
Фюреров истошные фанатики.
Гении, забытые литаврами.
Бездари, увенчанные лаврами.
Как-то по-другому здесь не принято.
Страшно здесь, в четвёртом нашем Риме-то.

Обычное дело

И враг — бывает — пособит.
И друг — бывает — не заложит.
Стихотворение бандит —
Бывает — неплохое сложит.

Но чаще так: и враг горазд
Оскалить хищные зубищи,
И друг за тыщу грин продаст,
А может, даже за полтыщи.

Памяти Эдуарда

Старичок, печальный лузер,
Странствовал по городам.
Старичок внезапно умер,
Старичок не прогадал.

Он увидел белый город
Там, над небом голубым,
И забыл зубастый голод,
Вспомнил, что Отцом любим.

Старичок увидел маму,
Маму обнял старичок.
И забыл земную драму,
Ямы пройденных дорог.

А потом пошёл куда-то,
А точнее — полетел,
Лёгкий-лёгкий, точно вата,
Белый-белый, точно мел.

Опыт

Покуда меня поливают помоями
Чернушной, поточной, беспочвенной лжи —
Я что-то да значу и вправе, по-моему,
Сказать сам себе: «Старичок, не тужи!»

Покуда враги, холя нравы пещерные,
Капканы плодят у меня на пути —
Я что-то да значу и вправе, наверное,
Сказать сам себе: «Старичок, не грусти!»

Я жив и люблю. Я в работе не мешкаю —
Возможно, поэтому многим не мил.
А подлость и ложь я встречаю усмешкою —
Так жизненный опыт меня научил.

Всё хорошо

Сойдут на нет страдания,
Людская злая желчь,
И рана стародавняя
Не будет больше жечь.

Душа моя пригожая,
Счастливая взлетит.
Так будет. Отчего же я
Встревожен и сердит?

Разрыв

…Я смирю раздражение,
Афоризм не забыв:
Чем теснее сближение,
Тем больнее разрыв.

Я уйду в направлении
Трав, цветов и дерев,
В благодарном смирении
Руки к небу воздев.